

Владислав ИНОЗЕМЦЕВ

ЭКСПЛУАТАЦИЯ: ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Почти семь лет назад⁽¹⁾ мы предприняли попытку оценить эксплуатацию, традиционно воспринимаемую в качестве одного из вопиющих пороков классовых обществ, не столько как общественное отношение, сколько как социопсихологическое явление. Подобный подход основывался на том очевидном обстоятельстве, что эксплуатация как источник социальных конфликтов обусловлена *не самим фактом отчуждения* части производимого работником продукта, а *восприятием им такового как противоречащего* его основным целям и интересам. Мы показали, что феномен эксплуатации возникает только там, где оба противостоящих субъекта руководствуются материальными интересами в качестве основных, и отметили, что для ее преодоления более важным, чем любые другие *социальные* преобразования, может стать изменение характера *индивидуальных* интересов. Согласно этой гипотезе до тех пор, пока обретение материальных благ остается основной целью большинства членов социума, устранить эксплуатацию посредством изменения пропорций их распределения невозможно, либо любое изъятие производимого продукта, в том числе и на общественные нужды, неизбежно будет восприниматься работником как эксплуатация и воспроизводить конфликты, присущие индустриальному обществу.

Напротив, магистральный путь устранения эксплуатации лежит через формирование новой системы предпочтений и ценностей человека, в которой материальные интересы занимают подчиненное положение по отношению к потребностям развития личности. В ситуации, когда достигший некоторого уровня материального благосостояния человек рассматривает совершенствование себя как созидательного субъекта в качестве главной цели, отчуждение части производимых им благ, имеющее место всегда, доколе существует общество, не будет восприниматься им как противоречащее его основному стремлению. Именно в этом отношении, как подчеркивали мы семь лет назад, и может быть осуществлено преодоление эксплуатации; не отменяя перераспределения в обществе благ, оно снимает прежний конфликт и предоставляет человеку реальное ощущение свободы, *ощущение, являющееся самой этой свободой* и позволяющее личности полностью реализовать свой созидательный потенциал. Последнее дает огромный импульс прогрессу, освобождает ранее скрытые в людях возможности и становится главной движущей силой развития постэкономического общества - таков был основной лейтмотив прошлой статьи.

Подобный подход остается для нас неизменным. Между тем сегодня, когда уже можно подвести некоторые итоги 90-х годов, когда четко определились и оформились тенденции двух десятилетий развития западных держав как постиндустриальных обществ, следует подробнее остановиться как на характере преодоления эксплуатации и его социальных границах, так и на выявившихся последствиях, которые едва ли можно назвать однозначно положительными.

Эксплуатация существовала в условиях всех классовых обществ, но не она породила классовую структуру и не ее преодоление способно устранить

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович - старший научный сотрудник кафедры политической экономики экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, директор Центра исследований постиндустриального общества, кандидат экономических наук.

таковую. Напротив, новое общество может оказаться более жестко разделенным на отдельные социальные слои, чего не допускала традиционная марксистская теория. При этом основанием постэкономического типа социального деления оказываются не *внешние* характеристики человека, такие, как собственность на материальные блага, а его *внутренние* возможности, и в первую очередь - способность к производству информации и превращению ее в знания. Базой классового противостояния в определенном смысле остается собственность, но уже не *легко отчуждаемая частная собственность на средства и условия производства, а неотчуждаемые права личности на собственные способности*; не сумма материальных благ, которыми может воспользоваться каждый получивший на них юридическое право, а система информационных кодов, доступная только избранным, имеющим доступ к специальным знаниям.

Такая ситуация означает, что постэкономическое общество, *утверждая принципы свободы, не утверждает принципов равенства*, - и в этом заключено важное отличие формирующейся общности от идеала социалистов, заметное сегодня как никогда ранее. Все статистические исследования показывают, что тенденции к снижению неравномерности распределения материального богатства, имевшие место в развитых демократиях с начала нашего столетия, уже сменились на противоположные, и граница между периодами действия тех и других пролегла в середине 70-х годов - бремени формирования основ постиндустриального общества. Данный процесс стал неожиданностью для оптимистов, предсказывавших эволюционный переход к строю социальной гармонии. Общество, выходящее за рамки индустриальной логики, начинает уже сегодня показывать, что проповедь имущественного равенства - такой же наивный пережиток прошлого, как и утверждение о равенстве способностей, данных человеку от рождения; мы становимся свидетелями того, как *обретение долгожданной свободы* может компенсировать *крах надежды на достижение равенства* и воспрепятствовать возникновению нового социального конфликта, определяющего судьбы вступающего в новое тысячелетие человечества.

Мы считаем возможным утверждать, что последние два десятилетия сформировали базу основного противоречия постэкономического общества - *конфликта социальных сил, стремящихся соответственно к свободе и равенству*. Никогда ранее эти две составляющие социалистического идеала не были столь враждебными, как сегодня. Для понимания глубины и остроты данного противоречия следует, на наш взгляд, рассмотреть три проблемы: во-первых, сам характер преодоления эксплуатации, во-вторых, принципы формирования классовой структуры постэкономического общества и, в-третьих, проблему непримиримого конфликта целей и возможностей членов тех или иных страт этого складывающегося на наших глазах нового социального целого.

Субъективное преодоление эксплуатации

Для определения условий преодоления феномена эксплуатации следует обратиться к проблеме основного вида деятельности в рамках экономической эпохи(2). Рассмотрение в качестве такового *труда (labour)*(3) дает возможность провести последовательный анализ перспектив развития отношения, лежащего в основе *эксплуатации как социального конфликта*.

Труд (labour) как присущая экономическому обществу и заданная стремлением к удовлетворению материальных потребностей деятельность накладывает отпечаток на все стороны его жизни и воплощенные в феномене эксплуатации

противоречия - это лишь одно из проявлений его несвободного характера. И в этом отношении экономическое общество вполне комплексно и самодостаточно, интересы большинства людей легко сводимы к материальным интересам. Те же, которые связаны с самореализацией личности, обретением социального статуса, внутренним совершенствованием и определяют действия и поступки многих людей, не оказывают существенного воздействия на формирование результирующего социального интереса и направление общественной эволюции. Дж. К. Гэлбрейт пишет, что "отношения между обществом в целом и организацией должны соответствовать (must be consistent) отношениям между ней и индивидом, должно иметь место взаимное соответствие целей общества, организации личностей, и, наконец, должно существовать соответствие мотивов, влекущих организации и отдельных индивидов к достижению их целей"(4), но подобная точка зрения не может не быть оценена как совершенно утопическая. В рамках экономического строя интересы социума, организации и личности никогда *не должны быть* согласованными (must be

consistent), они всегда согласованы (are consistent); однако никакие условия не могут сделать их гармоничными в том смысле, который вкладывает в свои слова знаменитый социолог.

Экономическое общество, основывающееся на труде (labour), создает адекватную самому себе систему соподчинения, предполагающую отчуждение части производимого продукта у его создателя. Последнее может выступать в самых разных формах: от полного изъятия даже самых необходимых благ, сопровождающегося последующим возвращением определенной их части правящим классом; в виде отчуждения прибавочного продукта на основе купли-продажи рабочей силы юридически свободными контрагентами или же как санкционированное обществом направление благ на обеспечение сугубо социальных потребностей. Считать, что первые две формы изъятия продукта представляют собой эксплуатацию, а третья может якобы осуществляться за ее пределами, на наш взгляд, совершенно неправильно.

Во всех этих случаях не акцентируется внимание на том, *какая система интересов* определяет тот или иной социум. Исследователи возможностей преодоления эксплуатации чаще всего говорят об освобождении человека от труда не как от *несвободной от материальных мотивов активности, а как от наемного труда*, присущего капиталистическому обществу. Данная трактовка, восходящая в основном к К. Марксу, до последнего времени была усовершенствована весьма незначительно. Лишь некоторые авторы, такие, как А. Горц, отмечая в качестве ошибок прежних социалистов то, что "устранение труда (work) и устранение наемного труда (wage labour) рассматривались как цели, между которыми не делалось никаких различий"(5), приближаются к пониманию необходимости изменения не только внешних, но и внутренних факторов деятельности человека, указывая, что "устранение труда не является ни приемлемым, ни желаемым для людей, идентифицирующих себя со своей деятельностью, определяющих себя через нее и выражающих в современной жизни или надеющихся выразить себя в таковой"(6). И только с 90-х годов, когда масштаб и направленность перемен, оформившихся двадцать лет назад, стали достаточно очевидными, началось активное осмысление возникающих в современной жизни новых тенденций, приводящее к парадоксальному выводу о том, что сегодня *реальные трансформации* зачастую обладают меньшим значением, нежели *представления* об их источниках, ходе и направлениях, а реальное место человека в обществе и реальные мотивы его деятельности становятся при определении его предпочтений и интересов подчиненными по отношению к его представлениям о таковых.

Если в конце 80-х годов достаточно новыми казались утверждения о том, что "переход от одного типа социума к другому может осуществляться... через внутренние трансформации основ *общественной жизни* (a la base de la vie sociale)", что "в западной модели развития первой изменяется культура, возникают новые знания и технологии, сопровождаемые последующими изменениями в формах и методах производства"(7), то сегодня становится ясным, что они верны лишь отчасти; гораздо большее значение имеют явления и процессы, происходящие a la base de la vie individuelle (на основе частной жизни индивида), осмысление которых требует от общественных наук включения в свои теоретические построения психологических и социопсихологических элементов. Если еще в начале нынешнего десятилетия постиндустриальная социология была далека от социопсихологических проблем, а один из ее корифеев, О. Тоффлер, писал, что "наиболее значимым сдвигом (powershift)... сегодня является скрытый сдвиг во взаимоотношениях насилия, богатства и власти"(8), то нынешний лидер данного направления М. Кастельс совершенно однозначно отмечает в своей только что вышедшей работе, что "новый источник власти лежит в информационных кодах и в представлениях (image of representation), вокруг которых общество организует свои институты, а человек строит свою жизнь и определяет нормы поведения; местом сосредоточения этой власти являются умы людей"(9). Сдвиг от преимущественной оценки объективных составляющих общественного прогресса к изучению его субъективных черт и аспектов представляет собой одну из наиболее заметных примет современной эволюции социологической теории.

Именно с развитием представлений человека о его деятельности и связано понимание путей преодоления эксплуатации. Для оценки как хода, так и результатов подобного процесса следует дать четкое определение данного феномена, отражающее как социальные, так и социопсихологические изменения, способные привести к ее устранению. Мы полагаем, что *эксплуатацией* выступает *насильственное или основанное на соблюдении принятых обеими сторонами юридических норм отчуждение у производителя в пользу иных индивидов, организаций или общества в целом некоторого объема создаваемого им продукта в случае, если создание такового есть цель его деятельности*. Этот феномен имманентен экономической эпохе, будучи порождаяем каждой стороной проявления ее закономерностей; представляясь

социальным злом, эксплуатация играла тем не менее положительную роль, позволяя концентрировать материальные ресурсы и усилия людей там, где они были необходимы, давая развитие передовым формам производства, становившимся основой дальнейшего прогресса. "Эксплуатация, - отмечает Р. Хейльбронер, - является не только мрачной оборотной стороной цивилизации, но и обязательным условием если не всех ее достижений, то по крайней мере значительного числа ее материальных триумфов"(10).

Такое понимание эксплуатации делает невозможным ее преодоление посредством реформирования распределительных отношений. Пресловутое распределение по труду не способно устранить эксплуатацию, так как любой труд предполагает экономические мотивы, а в такой ситуации отчуждение у производителя любого количества создаваемых им благ, пусть и на необходимые общесоциальные нужды, будет по-прежнему *восприниматься им* как эксплуатация. Следует также отметить, что эксплуатируемая активность не способна стать столь же эффективной, как свободная; в этом лежит ключ к пониманию того, почему "экономическое соревнование двух систем" стало приносить столь неутешительные и безрадостные практические для всех стран для социалистического лагеря результаты именно с середины 70-х годов.

Единственным условием устранения эксплуатации является изменение внутренней организации самой продуктивной деятельности. До тех пор пока человек ориентирован на производство и присвоение максимально возможного количества материальных потребительных стоимостей, любое препятствие на пути достижения подобной цели будет восприниматься им как эксплуатация. Удовлетворить же растущие материальные потребности людей в полной мере невозможно; возможно лишь изменить их структуру при достижении уровнем материального потребления определенных пределов насыщения. Последнее не означает, что человек утрачивает интерес к росту объемов или повышению разнообразия своего потребления; оно предполагает лишь, что *материальные мотивы перестают быть доминирующими* в той мере, в какой это имело место ранее. Достигая удовлетворяющего его уровня потребления, человек в значительной степени оказывается мотивированным иными целями, в первую очередь связанными со стремлением к развитию собственной личности.

Данный переход мы рассматриваем как пример замены труда (labour) творчеством (creativity), под которым понимаем осознанную деятельность, не определяемую стремлением человека к удовлетворению его материальных потребностей. Экспансия творчества основывается на целом ряде условий, как материальных, таких как достигнутый обществом уровень производства и его технологическая база, так и нематериальных, к которым относятся качество образования, степень связи социального статуса с интеллектуальными качествами работника, подчиненность производственных структур задачам развития креативного потенциала человека и многие другие. В отличие от труда, предполагающего материальные блага в качестве непосредственной цели субъекта производства, творчество свободно от подобного фактора и в силу этого не может быть подвержено эксплуатации, преодоление которой оказывается процессом, представляющим собой обратную сторону замещения труда творческой активностью.

Именно на этом этапе мы и начинаем констатировать противоречия, свидетельствующие о нарастании опасного социального конфликта, который ранее не принимался в расчет авторами большинства постиндустриальных концепций.

С одной стороны, происходящая трансформация делает всех, кто находит на своем рабочем месте возможности для самореализации и внутреннего совершенствования, выведенными за пределы эксплуатации. Количество этих людей растет, в их руках находятся знания и информация - важнейшие ресурсы, от которых во все большей мере зависит устойчивость социального прогресса. Стремительно формируется новая элита постэкономического общества. При этом социальный организм в целом еще управляется теми методами, которые были свойственны экономической эпохе; следствием этого становится то, что все больше и больше людей оказываются не подверженными тем социальным закономерностям, которые кажутся обязательными для большинства населения. Общество, оставаясь внешне единым, внутренне раскалывается, и экономически мотивированная его часть начинает во все возрастающей степени ощущать себя людьми второго сорта; за выход одной части общества за пределы эксплуатации социум все чаще платит обостряющимся пониманием подавления, распространяющимся в иной своей составляющей.

С другой стороны, быстро формирующийся класс нематериалистически ориентированных(11) людей, которые, как мы уже отметили, не ставят своей основной целью присвоение вещного

богатства, обретает реальный контроль над процессом общественного производства, и все более и более значительная часть общественного достояния начинает перераспределяться в их пользу. Не определяя обогащение в качестве своей цели, представители нового высшего класса *получают от своей деятельности результат, к которому не стремятся*. В то же самое время члены общества, не обладающие ни способностями, необходимыми в высокотехнологичных производствах, ни образованием, позволяющим достичь таковых, пытаются решить задачи материального выживания(12), ограниченные вполне экономическими целями. Однако сегодня их доходы не только не повышаются, но снижаются по мере хозяйственного прогресса. Таким образом, люди, принадлежащие к новой угнетаемой страте, *не получают от своей деятельности результат, к которому стремятся*. Различие между положением первых и вторых очевидно. Напряженность, в подобных условиях создающаяся в обществе, также не требует особых комментариев. С подобным "багажом" постиндустриальные державы входят в XXI век.

Чтобы оценить реальность возникающей в современных условиях опасности, обратимся к фактам, свидетельствующим о модернизации классовой структуры западных обществ и нарастании в них нового социального противостояния.

Новые очертания классовой структуры

Становление постиндустриального общества, изменившее не только структуру общественного производства, но также менталитет и психологию работника, сделало анахронизмом прежние принципы деления общества на представителей буржуазии и пролетариата.

Как отмечал в конце 70-х годов К. Реннер, "рабочий класс в том виде, в котором он описан в "Капитале" К. Маркса, более не существует"(13), и с таким утверждением трудно не согласиться. Несмотря на то, что в начале 90-х годов при опросе общественного мнения 44,9 процента американцев заявили, что принадлежат к числу рабочих (это оказалось несколько меньше, чем тех, кто отнес себя к среднему классу, - 45,3 процента)(14), происходящие в последние десятилетия изменения невозможно интерпретировать иначе как процессы депролетаризации. Даже Великобритания, где между мировыми войнами около 70 процентов экономически активного населения составляли рабочие (manual workers), занятые в добывающей, обрабатывающей промышленности или строительстве, в период с начала 70-х до конца 80-х годов превратилась в страну с самой низкой долей промышленного пролетариата в Европе(15), тем самым лишняя раз продемонстрировав превосходство постиндустриальных тенденций над самыми старыми и устойчивыми традициями. При этом рабочий класс в последние десятилетия не только сократился количественно, но и распался на две группы, одна из которых состоит из квалифицированных работников индустриального сектора, вполне относящихся по доходам и социальному положению к среднему классу, вторая же представляет собой слой, называемый А. Горцем "a non-class of non-workers" (некласс нерабочих), или "неопролетариат", состоящий "либо из людей, занятых на непостоянных работах, либо из тех, чьи интеллектуальные способности остаются невостребованными нынешней технической организацией труда"(16). Таким образом, на арене современного классового противостояния пролетариату в наши дни не находится более места.

Однако и элита современного общества также не похожа на прежнюю буржуазию. Изучение ее природы и попытки определения границ этой социальной страты начались вскоре после Второй мировой войны, когда Р. Дарендорф назвал новым высшим классом представителей бюрократии и высших менеджеров, реально контролирующими производственные процессы(17), выразив тем самым позицию, отринутую большинством социологов уже через несколько лет, когда теория постиндустриального общества стала одним из наиболее распространенных теоретических построений. В этот период широко распространилась характеристика нового класса как воплощающего в себе знания и информацию о производственных процессах и механизме социального прогресса в целом. В условиях, когда "постиндустриальное" общество становилось "технонетронным" обществом, при этом культурно, психологически, социально и экономически меняясь под воздействием электронных технологий, особенно в области компьютерной техники и сфере коммуникаций, а индустриальный процесс уже не являлся более главной определяющей общественных изменений(18), реальную элиту могли представлять только те, кто был способен контролировать и направлять эти неизведанные ранее преобразования. "Если главным действующим лицом прошлых ста лет был предприниматель, бизнесмен, управляющий

промышленным производством, - писал Д. Белл, - то "новыми людьми" являются ученые, математики, экономисты и создатели оригинальных интеллектуальных технологий"(19).

Основная же часть общества в этих условиях оказывалась отнесенной к среднему классу. В отличие от "неопролетариата" или технократических элит этот социальный слой фактически не получил позитивного определения. Сам термин "средний класс" для многих представляется обозначением слишком аморфной группы, включающей весьма разнородные составляющие(20); между тем широко распространенное понятие "класса профессионалов"(21) не дает четкого понимания ни структуры, ни характеристик данной страты, а термин "подавленный класс"(22), предложенный в свое время А. Туреном для целей противопоставления его как элите, так и "особо отчужденному классу", также не отражает положения составляющих его людей, как правило, не ощущающих себя в качестве объекта подобного "подавления". Неопределенность в вопросе об обозначении данного общественного класса и определении его границ, на наш взгляд, представляет нечто намного большее, нежели один из недостатков современной социологической теории. *Этот класс* неопределяем в условиях постиндустриального общества потому, что он так же, как пролетариат и буржуазия, *не является важной составляющей данного социума*; сегодня средний класс представляет собой не оплот того общества, которое было построено на нем как на своем базисе в межвоенные годы и сохранялось почти в неизменном виде почти полвека, а аморфную массу, из которой в течение ближайших десятилетий восстанут два основных участника антагонистических противоречий следующего столетия.

В той же степени, в какой рабы и свободные, крепостные и феодалы не стали субъектами социального развития в последующие эпохи, ни пролетарии, ни буржуа не будут господствовать в формирующемся сегодня социальном организме; так же, как малая часть третьего сословия, выделившись из него, уравнила перед собой все остальные классы, так и новая общественная страта, скорее всего, превратит в ничто все социальные различия прошлого.

Взгляды на роль и значение классового конфликта также претерпели серьезные изменения за послевоенный период. Если в 50-е годы доминировала весьма оптимистичная точка зрения, согласно которой по мере преодоления индустриального строя роль прежних конфликтов должна снизиться, в том числе и в связи с локализацией и ограниченностью самого индустриального сектора, а жесткость противостояния - ослабеть(23) (и лишь Ж. Эллюль обращал внимание на то, что классовый конфликт не устраняется с уменьшением роли материального производства, и даже преодоление труда и замена такового свободной деятельностью (leisure) приведет не к *преодолению* социального противостояния, а лишь к *перемещению его на внутриличностный (subhuman) уровень*(24), то впоследствии ситуация изменилась самым кардинальным образом.

В 70-е и 80-е годы, когда теория постиндустриального общества достигла своего пика, оценка социального противостояния обуславливалась анализом формирующегося общества как определяемого технологическими факторами. На этом этапе внимание исследователей во все большей степени привлекали к себе статусные проблемы, в том числе вопросы самоидентификации страт внутри среднего класса, мотивации деятельности представителей тех или иных социальных групп и так далее. Возникли и первые формулировки, в которых содержалось понимание нового общества как "отрицающего все пророчества классовой теории, социалистического критицизма и либеральной апологии, общества, не разделенного на классы, но не становящегося при этом ни эгалитаристским, ни гармоничным"(25).

Очертания нового социального конфликта стали заметными во второй половине 80-х годов. Именно в этот период было провозглашено, что новому постиндустриальному обществу уготовано противостояние представителей "второй" и "третьей" волн в терминологии О. Тоффлера, "материалистов" и "постматериалистов" в понимании Р. Ингельгарта. При этом отмечалось, что "материалистически-постматериалистическое измерение, являясь основным принципом поляризации населения западных стран, отражает противостояние *двух принципиально различных мировоззрений*" (курсив мой. - В. И.)(26), а острота конфликта и сложность его разрешения дополняются тем, что социальные предпочтения и система ценностей человека фактически не изменяются в течение всей его жизни, что придает противостоянию материалистически и постматериалистически ориентированных личностей устойчивый характер.

Однако, на наш взгляд, сегодня ситуация представляется несколько иной. Реальное классовое противостояние еще не определяется тем, каково *самосознание* того или иного члена общества, в какой социальной группе или страте он себя причисляет. Стремление человека реализоваться в качестве носителя постматериалистических ценностей ограничено отнюдь не только

субъективными, но и *вполне объективными обстоятельствами*, основное из которых заключается в ограниченности доступа к информации, образованию и знаниям в условиях, когда интеллектуальный раскол нации становится базой любого иного социального расслоения. По словам П. Дракера, не лишенные материальных благ, а ощущающие недостаток образования люди чувствуют себя "низшим классом" общества, в котором не деньги, а достоинство ценится превыше всего(27). В новой ситуации люди не только заслуживают социального признания в зависимости от своих способностей; общество дает допущенным к информации и знаниям и способным распоряжаться ими все права, ранее принадлежавшие представителям высших классов. Совершенно прав Ф. Фукуяма, когда утверждает, что *"классовые различия, существующие в современных Соединенных Штатах, вызваны прежде всего различиями в образовании"*(28).

Между тем данное явление представляется очень опасным. Все прежние принципы социального деления в гораздо меньшей мере задавались естественными и неустраняемыми факторами; теперь же власть элиты основана на качествах, не обусловленных внешними обстоятельствами. Не социальные отношения сегодня поднимают человека над обществом, а он сам формирует себя как носителя качеств, делающих его представителем высшего сословия. Информация, недавно казавшаяся многим наиболее демократичным источником власти, выступает в то же время и наименее демократичной ее причиной, так как *доступ к ней не адекватен обладанию ею*. Не отличаясь ни конечностью, ни истощимостью, ни потребляемостью, она отмечена *избирательностью*, редкостью того высшего уровня, *которая и наделяет ее владельца властью высшего качества*. Впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу *становится не право владеть благом, а способность им воспользоваться*.

Современное классовое деление представляется не следствием нового перераспределения власти или собственности; оно порождено сущностными отличиями внутреннего потенциала разных членов общества. В ближайшие десятилетия оно имеет все шансы стать гораздо более жестким и гораздо более заметным, чем любые прежние формы социального неравенства; оно может расколоть и расколет тот средний класс, который на протяжении последнего века являлся залогом стабильности индустриальных обществ. Будучи основным катализатором становления постэкономического общества, данное социальное деление станет и важнейшим препятствием на пути его развития. И вполне возможно, что данная проблема не должна была бы выноситься на особое место в спектре вопросов, затрагиваемых современной социологией, если бы реальное развитие хозяйственных процессов даже в постиндустриальных державах, не говоря о человечестве в целом, с каждым днем не делало бы ее все более острой.

Нематериальные стремления и их материальные следствия

Сегодня, в период становления постэкономической цивилизации, мы обнаруживаем и первые признаки нового социального противостояния, наиболее явным из которых становится нарастающая неравномерность в распределении богатства. Диспропорции в таком существовали всегда и на протяжении послевоенных лет не привлекали особого внимания, так как, с одной стороны, в большинстве западных стран многочисленные социальные программы сокращали разрыв между наиболее состоятельными и наименее обеспеченными гражданами, а с другой стороны, уверенный рост реальной заработной платы и уровня жизни не приковывал излишнего внимания к прибылям корпораций и доходам их руководителей.

Однако ситуация меняется, и перемена эта настолько очевидна, что ведущие экономисты и социологи вынуждены обратить на нее внимание, хотя это нередко идет вразрез с их теоретическими концепциями. Так, хотя Дж. К. Гэлбрейт и отмечает, что "достойное общество (the good society) не стремится к равенству в распределении доходов, которое не согласуется ни с природой человека, ни с характером и мотивационными принципами современной экономической системы", на следующей же странице своего труда признает резкое увеличение доли наиболее состоятельных членов общества в присваиваемом национальном доходе, происшедшее в последние годы на фоне столь же быстрого сокращения доли наименее обеспеченных граждан, чем-то таким, "чего достойное общество не может принять... не может оно принять... и оправданий,.. защищающих подобное неравенство"(29). Между тем подобные изменения менее

всего являются случайными, будучи непосредственным и неизбежным спутником становления постэкономического порядка.

Процесс сосредоточения богатств у узкого слоя людей сопровождал развитие буржуазного общества во все времена, хотя его не следует считать однонаправленным. Наибольшие диспропорции существовали в феодальный период, когда обеспечением равенства казалась экспроприация дворянства. Там же, где серьезной дворянской собственности не существовало и развитие начиналось как бы "с чистого листа", процесс быстрого сосредоточения богатства в руках буржуазной верхушки выглядит особенно показательным. Так, в 1828 году 4 процента жителей Нью-Йорка контролировали 62 процента городского богатства; в 1845 году они управляли уже 81 процентом. В 1860 году 10 процентов наиболее богатых американцев владели 40 процентами всех богатств США; в 1890 году доля наиболее состоятельных 12 процентов составила уже 86 процентов национального достояния(30). Не менее активным рост данных показателей был и в Англии. Между тем, сравнивая нынешнее положение дел с ситуацией конца прошлого века, мы видим пропорцию, в которой находились доходы наиболее состоятельных и наименее оплачиваемых 10 процентов населения, фактически неизменной(31). Таким образом, неравенство в распределении доходов и собственности не отличается линейной динамикой, а обнаруживает в своем поступательном движении как периоды нарастания, так и сокращения рассматриваемых диспропорций.

Статистические данные вполне подтверждают это. На протяжении нынешнего века, вплоть до середины 70-х годов, во всех западных странах обнаруживалась устойчивая тенденция к снижению разрыва между богатыми и бедными гражданами. Так, в США доля 1 процента наиболее состоятельных семей в общественном богатстве снизилась с 30 процентов в 1930 году до менее чем 18 в середине 70-х; в Великобритании тенденция была еще более явной: доля 1 процента снизилась там с более чем 60 процентов до 29, а доля 10 - с 90 до 65; в Швеции соответствующие показатели составили 49 и 26, 90 и 63(32). В результате к 1976 году 1 процент наиболее состоятельных американцев владел 17,6 процента национального богатства, что составляло самый низкий показатель со времени провозглашения независимости США за двести лет до этого(33). На данном фоне выделялся быстрый рост доходов руководителей крупнейших корпораций, непропорциональный по отношению к заработной плате персонала (так, если в 100 крупнейших американских корпорациях в 1960 году средний оклад исполнительного директора достигал 190 тысяч долларов, что соотносилось с зарплатой работника как 40:1 до уплаты налогов и 12:1 после уплаты, то в конце 80-х он получал уже более 2 миллионов долларов и соответствующие соотношения составляли 93:1 и 70:1(34), но необходимость согласованного роста доходов представляется в этом случае вовсе не обязательной.

Ситуация изменилась во второй половине 70-х, когда стали заметны сначала робкие, а затем все более явные проявления совершенно иных тенденций. Выход экономики из кризиса, реформа налоговой системы и начавшийся хозяйственный бум, сопровождавшийся быстрым ростом акций, стали провозвестниками новых веяний. Первый пик перемен пришелся на начало 80-х: если в 1977 году упоминавшийся уже один процент богатейших американцев контролировал 19 процентов национального богатства, то этот показатель увеличился до 24 в 1981 году, а к концу первого срока президентства Р. Рейгана он составлял уже более 30 процентов; некоторое замедление темпов его роста во второй половине 80-х годов привело к тому, что десятилетие было закончено на отметке в 39 процентов, более чем в два раза превышавшей уровень 1976 года(35). В результате в течение 80-х годов степень, в которой доходы наиболее обеспеченных пяти процентов населения США превосходили доходы наиболее бедных американцев, возросла с 15 до 22,5 раза(36).

Во второй половине 80-х и в начале 90-х годов эти тенденции были усилены рядом новых обстоятельств, среди которых следует особо отметить последствия технологического скачка конца 80-х годов; на этот же период пришелся пик наиболее быстрого и впечатляющего роста рыночной стоимости новых компаний, действующих в наиболее высокотехнологичных отраслях. Не только руководители крупных корпораций, но и основатели сравнительно небольших высокотехнологичных предприятий и даже отдельные специалисты в области высоких технологий стали получать доходы, несравнимые с заработной платой среднего американца. В 1988 году о годовом доходе, превышающем 1 миллион долларов, заявили более 1,3 миллиона граждан США(37), сегодня их число превысило 3 миллиона.

Все эти явления не несли бы опасности социальной стабильности в том случае, если бы благосостояние среднего и низшего классов росло или хотя бы поддерживалось на прежнем

уровне; между тем с 80-х годов впервые в истории западных обществ *реальные доходы значительной части населения стали снижаться на фоне экономического подъема*. На протяжении этого десятилетия доходы людей, получавших от 1 миллиона долларов в год и выше, выросли более чем в двадцать раз, заработки средних американцев - на 44 процента, а доходы 25 процентов беднейших семей снизились на 6 процентов(38). Применительно к 20 процентам наименее обеспеченных граждан этот показатель сократился еще более драматично - на 24 процента(39), а их доля в национальном доходе, поднимавшаяся на протяжении сорока лет и достигшая в начале 70-х годов 7 процентов, к концу 80-х опустилась до 4,6(40). Динамика данных процессов подтверждается и на опыте других постиндустриальных стран. Так, в Германии с 1980-го по 1990 год валовый национальный продукт вырос на 20 процентов, прибыль капитала за этот же период подскочила более чем вдвое, а реальная заработная плата осталась на прежнем уровне(41). Подобные примеры могут быть продолжены с использованием опыта других стран.

Как правило, западные теоретики не анализируют достаточно подробно причины этих изменений, говоря обычно о новой хозяйственной конъюнктуре, ослаблении роли государства и сокращении налогов на доходы корпораций и представителей наиболее высокооплачиваемых групп населения; отмечаются также дискриминация в оплате труда по признакам расы и пола, равно как и сокращение программ государственной помощи малоимущим. Между тем все эти обстоятельства кажутся второстепенными по сравнению с тем влиянием, которое оказывает на дифференциацию доходов переход к информационной экономике и повышение роли знаний.

Если в США между 1968-м и 1977 годами реальные доходы с учетом поправки на инфляцию выросли на 20 процентов, причем различия данного показателя для выпускников школ и обладателей диплома колледжа не превосходили одного процентного пункта, то с 1978-го по 1987 год реальные доходы выросли на 17 процентов, однако у лиц с высшим образованием они поднялись на 48, тогда как у вчерашних школьников упали на 4 процента(42). В те же годы доход лиц, не обладавших аттестатом о среднем образовании, сократился на 18 процентов(43).

Процесс нарастающего неравенства в распределении общественного богатства представляется одной из самых характерных тенденций конца XX века, явлением, порожденным постэкономической трансформацией и закрепляющим формирующееся классовое деление, присущее этому новому социуму. Ситуация, в которой мотивированные надутилитарно работники интеллектуальных производств, исследователи и менеджеры расширяют свое хозяйственное доминирование, не оставляя представителям низших классов не только их прежней доли в национальном доходе, но и средств изменения подобного положения, представляется необратимой, но еще не воспринята в полной мере как таковая. До определенного времени она может рассматриваться как некая плата за технологический прогресс, но в достаточно близком будущем, думается, станет очевидным, что она представляет собой нечто гораздо большее; слишком уж много обстоятельств поддерживает и определяет сегодня развертывание этой тенденции.

Во-первых, с развитием производства, основывающегося на применении информации и знаний, оказывается, что объективная оценка деятельности его субъектов невозможна. В ситуации, когда работники могут управляться лишь в качестве добровольцев, когда они не признают над собой контроля и весьма мобильны, а корпорации оказываются в них крайне заинтересованы, подобные специалисты становятся не служащими, а партнерами. В результате данные профессионалы, в значительной мере мотивированные надутилитарно, не связанные неразрывными узами с одной определенной компанией, весьма мобильные, обладающие уникальными качествами как носители информации и знаний, получают вознаграждение, в сотни и тысячи раз превосходящее средние уровни заработной платы

Во-вторых, в наиболее высокотехнологичных отраслях не только работники, создающие новые продукты, но и результаты производства также уникальны и невозпроизводимы. Оказываясь важнейшим условием быстрого хозяйственного прогресса, продукция этих отраслей обладает исключительно высокой ценностью; 80-е и особенно 90-е годы стали периодом, когда в новых отраслях был зафиксирован не только рекордный рост производства, но и беспрецедентный взлет финансовых показателей. И, разумеется, не рабочие, производящие на полуавтоматических линиях электронное оборудование или тиражирующие информационный продукт, а именно создатели технологий получают основные доходы от подобной экспансии. В то же время компании, действующие в высокотехнологичных отраслях, обладают самой высокой рыночной оценкой по отношению к реальным активам, что дает в руки их владельцев исключительно мощный инструмент повышения благосостояния.

В-третьих, серьезным фактором, воздействующим на повышение доходов высокообразованной части населения, стала появившаяся сегодня возможность выхода за пределы традиционной организации производства на основе приобретения всех его необходимых условий в личную собственность. Специалисты, способные создавать уникальные и невозпроизводимые блага и имеющие возможность приобрести средства производства, могут выступать и все чаще выступают не в качестве продавцов своей рабочей силы, а как самостоятельные производители благ, имеющие высокую рыночную ценность и постоянно приносящие их создателям значительный доход.

Все отмеченные моменты самым радикальным образом диссонируют с положением низкоквалифицированного персонала. В современных условиях, когда имеет место значительная миграция, рынок неквалифицированной рабочей силы очень конкурентен. При этом большинство его участников не обладает никакими способностями, позволяющими выделить их среди других соискателей подобного же места; фактор исключительности работника, столь важный в высокотехнологических отраслях, в данном случае отсутствует. Промышленные предприятия и сервисные компании, привлекающие низкоквалифицированную рабочую силу, имеют, как правило, весьма умеренные доходы, а их выживание зависит от ценовой конкуренции, в число методов которой повышение заработной платы не входит. И, что наиболее существенно, работники оказываются в ситуации полной зависимости от политики руководства компании и не имеют оснований добиваться от него улучшений своего положения, поскольку легко могут быть замещены другими претендентами, а самостоятельную деятельность в условиях современной экономики вести не могут.

Конец XX века не является, как бы этого ни хотелось многим, периодом стабильного и непротиворечивого развития, каким не может быть время, когда складываются основы новой цивилизации. Важнейшим условием прогресса становится сегодня не технологическое развитие, уже ставшее самовоспроизводящимся, и даже не процесс переосмысления мотивов и ценностей индивида, явно направляющийся в сторону формирования постматериалистической ориентации, а оптимальное сочетание интересов социума и личности, человека и социальных групп. Только это может обеспечить тот "плавный переход (smooth transition) от индустриального хозяйства к информационному"(44), о котором Т. Стоуньер справедливо говорит как о важнейшей задаче, стоящей сегодня перед всеми без исключения западными обществами.

Таким образом, преодоление эксплуатации через выход человека за пределы системы материальных интересов, будучи сам по себе важнейшим достижением человечества на протяжении уходящего столетия, в то же время способен привести и реально приводит к растущей поляризации общества. Новый класс, основывающий свою власть и влияние на знаниях, неотчуждаемом от человека виде ресурсов, делает классовое противостояние совершенно иным, нежели оно было во все предшествующие исторические эпохи, а невозможность перераспределения знаний оставляет все попытки классовой борьбы в новом обществе лишены перспективы. Особую остроту подобному конфликту придает деформация групповых интересов и возможностей их реализации; как мы уже показали, высший класс обретает материальное богатство, исповедуя надутилитарные ценности, низшие же слои общества, как это неизменно было и в прошлом, не способны обеспечить должного благосостояния, будучи при этом мотивированы сугубо экономически.

Между тем два обстоятельства могут в этой ситуации стать основанием для осторожного оптимизма. С одной стороны, исторический опыт говорит о том, что максимальная имущественная поляризация присуща переходным эпохам общественного развития в большей мере, нежели зрелым формам тех или иных социальных состояний. Сегодня, наблюдая лишь становление иной общественной формы, можно надеяться, что с ее развитием данные тенденции способны измениться. С другой стороны, любая социальная система, возникающая как элемент внутри прежней, стремится к организации всего общественного целого на основе присущих ей принципов. С этой точки зрения постэкономическое общество категорическим образом требует экспансии нематериалистической мотивации среди всех своих членов, а ее необходимым условием становится достижение ими высокого уровня благосостояния. Все это может свидетельствовать о том, что мы наблюдаем наиболее сложный и опасный этап формирования новой общественной системы, а срок в двадцать лет, прошедший с его начала, еще не может в полной мере показать все возможные пути ее дальнейшей эволюции и грядущих перемен.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. **В. Иноземцев**. Эксплуатация: объективная данность и феномен сознания. Размышления о перспективах социального прогресса. - "Коммунист", 1991, № 10.
- 2 См. **В. Иноземцев**. Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? - "Коммунист", 1991, № 4; его же. Понятие творчества в современной экономической теории. - ПОЛИС. "Политические исследования", 1992, №№ 1-2; его же. Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? - "Вестник Российской академии наук", 1997, № 8 и др.
- 3 См. **В. Л. Иноземцев**. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995, стр. 203-231.
- 4 **J. K. Galbraith**. The New Industrial State. L., 1991, p.168.
- 5 **A. Gorz**. Farewell to the Working Class. An Essay on Post-Industrial Socialism. L., 1997, p. 2.
- 6 Ibid, p. 6.
- 7 **A. Touraine**. Le retour de l'acteur. Essai de sociologie. P., 1988, p. 339.
- 8 **A. Toffler**. Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1991, p. 464.
- 9 **M. Castells**. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. "The Power of Identity". Oxford, 1997, p. 359.
- 10 **R. L. Heilbroner**. Behind the Veil of Economics. Essays in the World Philosophy. N.Y.-L., 1988, p. 87.
- 11 Подробнее см.: **R. Inglehart**. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (NJ), 1990, p. 98-102.
- 12 См. **A. Touraine**. Pourrons-nous vivre ensemble? Egaux et differents. P., 1997, p. 109.
- 13 **K. Renner**. The Service Class. - T. B. Bottomore, P. Goode (Eds.). Austro-Marxism. Oxford, 1978, p. 252.
- 14 См. **W. Greider**. One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y., 1997, p. 382.
- 15 См. **S. Lash**. Sociology of Post-Modernism. L.-N.Y., 1990, p. 27.
- 16 **A. Giddens**. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987, p. 279.
- 17 См. **R. Dahrendorf**. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959, p. 301.
- 18 **Zb. Brzezinski**. Between Two Ages. N.Y., 1970, p. 9.
- 19 **D. Bell**. The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976, p. 344.
- 20 См. **D. Harvey**. The Condition of Postmodernity. Cambridge (Ma.) - L., 1995, p. 347.
- 21 См. **D. Lyon**. The Information Society: Issues and Illusions. Cambridge, 1996, p. 61.
- 22 См. **A. Touraine**. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. L., 1974, p. 70.
- 23 См. **R. Dahrendorf**. Class and Class Conflict in Industrial Society, p. 201, 268.
- 24 См. **J. Ellul**. The Technological Society. N. Y., 1964, p. 400.
- 25 **J. Pakulski, M. Waters**. The Death of Class. L. - Thousand Oaks, 1996, p. 147.
- 26 **R. Inglehart**. Culture Shift in Advanced Industrial Society, p. 161.
- 27 См. **P. Drucker**. The New Realities. Oxford, 1996, p. 183,184.
- 28 **F. Fukuyama**. The End of History and the Last Man. L. - N. Y., 1992, p. 116.
- 29 **J. K. Galbraith**. The Good Society. The Humane Agenda. Boston - N. Y., 1996, p. 59, 60.
- 30 См. **J. D. Davidson**. Lord William Rees-Mogg. The Sovereign Individual. N. Y., 1997, p. 208.
- 31 См. **H. McRae**. The World in 2020. L., 1995, p. 110.
- 32 См. **J. Pakulski, M. Waters**. The Death of Class. L. - Thousand Oaks, 1996, p. 78.
- 33 См. **H. A. Linstone, I. U. Mitroff**. The Challenge of the 21st Century. Albany, 1994, p. 228.
- 34 См. **R. B. Reich**. The Work of Nations. Preparing Ourselves to 21st Century Capitalism. N.Y., 1992, p. 169.
- 35 См. **J. I. Nelson**. Post-Industrial Capitalism. Exploring Economic Inequality in America. Thousand Oaks-L., 1995, p. 8-9.
- 36 См. **H. A. Linstone, I. U. Mitroff**. The Challenge of the 21st Century, p. 8.
- 37 См. **J. Rifkin**. The End of Work. N.Y., 1996, p. 174.
- 38 См. **H. A. Linstone, I. U. Mitroff**. The Challenge of the 21st Century, p. 228, 8.
- 39 См. **R. B. Reich**. The Work of Nations, p. 169.
- 40 См. **D. Harvey**. The Condition of Postmodernity, p. 330-331.
- 41 См. **E. von Weizsaecker, A. B. Lovins, L. H. Lovins**. Factor Four: Doubling Wealth. - "Halving Resource Use. The New Report to the Club of Rome". L., 1997, p. 279.
- 42 См. **Ch. D. Winslow, W. L. Bramer**. Future Work. Putting Knowledge to Work in the Knowledge Economy. N. Y., 1994, p. 230.
- 43 См. **R. B. Reich**. The Work of Nations, p. 205-206.
- 44 Цит. по: **D. Lyon**. The Information Society, p. 56.

